

ДЕНИС СУРИН

Традиционное каратэ как практическая философия

ТОМ 1

Денис Сурин
**Традиционное каратэ
как практическая
философия. Том 1**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72067678
ISBN 9785006724075*

Аннотация

Данный труд рассчитан на вдумчивых практиков традиционного каратэ, последователей и исследователей «Трёх учений» (конфуцианство, даосизм и буддизм) и всех остальных, кто глубоко интересуется другими дальневосточными практиками (в первую очередь, цигун, «внешние» и «внутренние» школы ушу). На страницах книги для них содержится большой материал для обдумывания, возможно, оживлённого обсуждения и обязательной апробации на собственном опыте.

Содержание

Том 1. Ревизионизм основ. каратэ и «три учения»	5
Вступление	5
Предпосылки ревизионизма и определение методологии	8
Наличие противоречий – причина переосмысления	8
Основные методы изучения проблематики	17
Личный опыт- основа понимания каратэ.	24
Опыт автора	
Общепринятое определение термина	41
Критический взгляд на противоречивую историю каратэ	47
Практическая направленность изучения истории	47
Ранние упоминания (конец XIV – конец XVIII)	53
Оформление традиции преемственности, зарождение основных направлений (XIX в.)	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Традиционное каратэ как практическая философия Том 1

Денис Сурин

© Денис Сурин, 2025

ISBN 978-5-0067-2407-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0067-2408-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Том 1. Ревизионизм основ. каратэ и «три учения»

*Для тех, кто хочет разглядеть сокрытое
в листе...*

Вступление

Когда-то каратэ – боевое искусство Японского архипелага – шагнуло в стремительно развивающийся мир и завоевало умы и сердца людей, став всемирно популярным видом единоборств. Получив мировое признание и целые армии последователей, каратэ также обрело ореол чуть ли не самого эффективного искусства самообороны и самосовершенствования. С тех пор прошло больше полувека и для массового сознания свою былую славу этот вид боевого искусства в значительной степени утерял. Более того, дальнейшее развитие сферы единоборств и других видов фитнеса породили серьёзные сомнения в эффективности каратэ как комплексной системы самосовершенствования. Произошло ли это в силу переоценки ожиданий, утери знаний или появления действительно более эффективных систем? Чтобы дать взвешенный ответ, сперва надо разобраться с сущностью ка-

ратэ и его истоками, причём не столько с историческими (что тоже важно), сколько с идейной базой, определившей уникальность внешнего облика и внутреннего содержания данной системы, а также оценить, в полной ли мере глубинные основы сохранены в рамках этого самобытного искусства и попадают ли в поле зрения современных адептов. Именно такую задачу я поставил перед собой в рамках данного труда. На страницах этого сочинения попытаюсь выразить своё видение и понимание каратэ как части весьма обширной традиции самосовершенствования, возникшей на Дальнем Востоке и уходящей корнями в седую древность. Эта книга пишется для того, чтобы дать опытным последователям и глубоко интересующимся людям повод взглянуть на уже «привычные» знания и опыт под другим углом зрения, оценить состоятельность и полезность такой точки зрения для своей практики и увидеть актуальность и ценность той идейной «подложки», которая определила отличительный облик дальневосточных боевых искусств в целом и каратэ как их типичного представителя в частности.

Первый том имеет некоторую теоретико-философскую направленность. В нём мы рассмотрим, почему возникает необходимость обращаться к теме исследования предмета в целом. Затем посмотрим ещё раз на историю возникновения и развития каратэ, какая существует здесь проблематика, обратим также взор на современное состояние, какие тенденции мы наблюдаем в современности и насколько актуаль-

но каратэ для современного человека. Пристально приглядимся к идейно-философским традиционным учениям как фону, на котором это боевое искусство развивалось, в чём их ценность и насколько велико это влияние. Рассмотрим также и противоречия традиционного (и не только) каратэ, требующие разрешения, чтобы они не были ограничивающим или ослабляющим фактором для традиции.

Второй том будет содержать практико-методический раздел с описанием основных элементов системы согласно концепциям даосско-буддийской школы и служит демонстрацией того, как, в целом, общеизвестные формы могут быть наполнены содержанием иного качества и развивать способности другого плана, открывая новые горизонты самосовершенствования.

Предпосылки ревизионизма и определение методологии

Перед тем, как увлечься каким-либо интересным делом, человеку часто свойственно оценивать, надо ли это ему. Поначалу мы интересуемся какой-либо активностью, стараясь заглянуть за фасад, привлёкший нас своей необычностью, пытаемся узнать больше о полезности и смысле, что она несёт. И если вся собранная информация резонирует с нашим внутренним восприятием и потребностями, то мы с головой погружаемся в новое увлечение. Только лишь по прошествии долгого времени и после накопления значительно-го опыта мы снова возвращаемся к вопросу о сути и смысле, пересматривая первоначальные взгляды и оценивая результаты. По сути, занимаемся ревизией дела, которому посвятили много времени и сил. Вот этим сейчас и займёмся применительно к каратэ, боевым искусствам Дальнего Востока в целом, а также породившей их традиции духовно-философских учений.

Наличие противоречий – причина переосмысления

Любое переосмысление, а здесь именно такую попытку я

попытаюсь предпринять, начинается, во-первых, с глубокого понимания предмета и наличия достаточного опыта, а во-вторых, из-за наличия определённых противоречий между декларируемым и реально наблюдаемым, особенно в ситуации, когда игнорирование наличия противоречий ни к чему хорошему не ведёт и является большим препятствием для развития и хорошим поводом для деградации.

Как один из примеров, нам часто доводилось слышать, что система окинавского воспитания силы и мастерства с самого своего возникновения основывалась на декларировании способности развивать упомянутые качества до невиданных высот и таким образом служить адепту верным подспорьем при решении любых непростых задач на протяжении всей жизни. В первую очередь, это касалось вопросов личной безопасности в условиях крайне жёсткого, если не сказать – жестокого, противоборства, где ставкой служило здоровье и даже сама жизнь. Предполагалось, что система включала многовековые устоявшиеся методы развития силы и ловкости, в купе с крайне эффективными методами ведения боя, прежде всего голыми руками, при этом противник мог быть не один, да ещё и вооружён. Все интересующиеся восточными единоборствами видели впечатляющие демонстрации разбивания твёрдых предметов «тамэсивари» и подобного рода практики, которые ярко демонстрировали возможности последователей и служили таким образом прямым подтверждением развития, практически, «сверхспособностей». Достаточ-

но сложные, порой витиеватые техники одоления соперника, имевшего неосторожность выступить в роли агрессора, долгое время утверждали каратэ как самую эффективную систему единоборства. На момент знакомства мира с каратэ (с первой трети XX-го века) ничего подобного западный человек до сих пор не видывал.

Однако развивающаяся индустрия спортивных и около-спортивных состязаний по единоборствам способствовала тому, что мы быстро увидели представителей восточной школы «в деле». Оказалось, что мастера в выполнении различных эффектных демонстраций мало что могут противопоставить представителям классических западных школ в лице того же бокса и вольной борьбы для одержания убедительной победы. Более того, в условиях поединка весь восточный флёр куда-то внезапно улетучивается, и мастер выполнения ката (практика которых считается основной составляющей данного вида единоборств) начинает двигаться так же, как заурядный боксёр. Если обоих бойцов облачить в одинаковую спортивную форму, то провести различие в школах становится практически невыполнимой задачей. И если неспособность представителей каратэ быть в спортивном состязании на голову выше оппонента можно объяснить наличием непривычных ограничений-правил в рамках соревнований, не позволяющих реализовать весь потенциал высокоэффективных «смертельных» техник, то этими же ограничениями никак нельзя объяснить мгновенную смену

характера двигательного, стратегического и технико-тактического поведения каратиста на ту же модель, что использует его противник, представитель западной ударной школы бокса или кикбокса.

Такое очевидное противоречие явно указывает, что система подготовки в каратэ, похоже, что-то утратила. Одной из причин может быть такой подход к освоению комплексов-ката, что способствует их превращению в пустое формализованное упражнение без понимания сути, хотя именно эта методическая система считалась основной в деле взращивания ценных качеств тела и сознания и формирования способности адепта оказывать сопернику эффективное сопротивление.

В определённом смысле красивая идея закончить поединок за одно-два движения (так называемая концепция «одним ударом наповал», заимствованная из самурайского искусства меча¹) практически не осуществима, и если встречаются случаи, которые можно взять в качестве примера, то они скорее являются следствием случайного стечения обстоятельств, нежели результатом соответствующей подготовки, и встречаются не чаще, чем в боксёрских поединках при схожих обстоятельствах.

Очевидным становится и полное несоответствие реаль-

---

¹ Именно так виделся поединок в кэндзюцу, без фехтования в западном понимании, когда противники постепенно «нащупывали» брешь в обороне соперника для того, чтобы в итоге его поразить.

ности идеи о том, что каратэ, как типичный представитель восточной школы самосовершенствования через постижение методов боя, содержит методы такой трансформации последователей, при которой последние становятся способными эффективно противостоять более крупному и физически сильному противнику, да ещё может и не одному, к тому же вооружённому. Но, как не раз убедились сторонние наблюдатели, всё-таки более крупный и физически развитый индивид даже без особого владения хитроумными методами ведения поединка представляет для «специалиста» в области восточных единоборств весьма большую угрозу. Получается, что слепая вера в идею «малым усилием одолеть великое» несостоятельна. Но если это принять, то придётся вступать в полемику с тем же Архимедом по поводу рычага, точки опоры и возможности «повернуть Землю»...²

С предыдущей идеей «малым усилием одолеть великое» тесно связано более общее представление и утверждение, что «восточная школа» выгодно отличается от западной тем, что содержит тщательно отобранные и проработанные методики по развитию уникальных способностей у последователей. Дальневосточная концепция «человек может стяжать всю мощь Вселенной» явно говорит нам о том, что возможно достичь потрясающих результатов при условии правиль-

---

² Имеется в виду крылатая фраза, произнесённая знаменитым греческим учёным, доказывавшим, что с участием головы и знаний в ней можно даже малой силой противостоять гораздо большему воздействию, пользуясь эффектом рычага: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю!»

ной подготовки. Пускай дольше длится обучение, но зато и результаты будут кратно качественнее. На деле же, при изучении опыта известных специалистов каратэ и анализе их жизнеописаний, создаётся ощущение, что весь секрет достижения мастерства сводится не к каким-то сокровенным знаниям и практикам, а к заурядному повторению по «десять тысяч раз» любого движения, то есть к весьма затратной и экстенсивной тренировке. Жизнь ныне живущих специалистов или же некоторых хорошо известных мастеров прошлого, воспетых в легендах и мифах, подчиняется жёсткому регламенту постоянных и изнурительных тренировок, где практически нет места для чего-либо ещё. Такая перспектива не может не удручать и гарантированно будет отталкивать здравомысленных последователей. Вопрос о том, так содер-жит ли (содержало ли?) каратэ те самые уникальные методы, остаётся открытым.

Как остаётся открытым и вопрос относительно верности представления о том, что каратэ является тем самым жизненным «путём»³, которому будет следовать адепт на протяжении всей жизни, и который будет помогать с решением всех вопросов, прежде всего в области здоровья и деле «личностного роста». На деле же, очень многие последователи каратэ по истечении достаточно большого периода заня-

---

³ Последняя и окончательная формулировка японского названия этого искусства была сопряжена с обретением иероглифа «До» – «путь» в полном названии «Каратэ-до», что повышало статус изощёренного единоборства до системы самосовершенствования, не имеющего пределы

тий и достижениях определённых успехов уходят в изучение йоги или подобных гимнастико-медитативных и философских систем, так как их занятия каратэ, каким бы странным не было такое противоречие с догматичными высказываниями об отсутствии каких-либо «потолков», всё-таки достигали определённых пределов, за которыми дальнейшая практика становилась безынтересной и в определённой степени лишённой смысла.

Можно сколь угодно долго и с жаром рассуждать, что «нет пределов совершенству», но себя-то в конечном счёте не обманешь! Тяжело, с психологической точки зрения, заставить себя опять тратить время на «шлифовку» базовой техники, суть которой уже давно сведена к многократным повторениям, а также «ещё немного быстрее и сильнее». Препятствие в виде преодоления физических и психологических пределов выносливости давно уже пройдено и также сведено к банальному повторению. Что дальше? Ответа нет, ну или есть, но он удручает практикующего.⁴

---

⁴ «Если бы меня спросили, чему должен уделять человек большую часть времени, я бы ответил – тренировке... Занимайтесь больше, чем вчера. Устанавливайте рекорды. И если границы кажутся непреодолимыми, старайтесь всем своим существом преодолеть их.» – такие горизонты обозначает Масутацу Ояма. Ему вторит его предполагаемый наставник Фунакоси Гитин: «Самое главное – регулярность занятий. Иного пути овладеть тем или иным искусством боя не существует. День за днем, месяц за месяцем, год за годом – тот же зал, те же люди, те же упражнения. Бывают моменты, когда хочется все бросить. Такие минуты посещают всех без исключения, но мы так же хорошо знаем, что однообразие это кажущееся и жизни не мыслим без него»

Здоровье с годами к тому же у профессионала своего дела, как известно, не прибавляется, отдельные исключения не в счёт – важно правило. Поэтому обычный путь единоборца, который хочет продолжать активные занятия и искать новые горизонты, – это йога или подобные виды фитнеса, предполагающие не измождение себя и поиск пределов возможностей с риском для здоровья, а умеренную физическую нагрузку, плюс мажорную ментальную деятельность в виде философии позитивного эмоционального настроения и психологической раскованности. Это печальный транзит, так как получается, что практик каратэ не находит в данной системе методов дальнейшего для себя продвижения и перспектив открытия чего-то нового.

В поисках ответов на обозначенные выше вопросы самое простое объяснение может содержать в себе гипотезу о том, что, возможно, все «сокровенные знания и методики» являются выдумкой и частью раздутой мифологии вокруг дальневосточных боевых искусств. Такое предположение имеет достаточно твёрдое основание, учитывая мифологичность восточного подхода к собственной истории в целом и информационно-медийное влияние в частности. Не секрет, что общий фон, на котором восточные единоборства завоёвывали мир, во многом формировался за счёт обилия фильмов на эту тему, где режиссёрская выдумка зачастую подменяла реальность.

Так всё объяснить и найти выход из противоречия мож-

но, если только не принимать во внимание, во-первых, почему не произошло подобного в отношении более привычных бокса и вольной борьбы при соответствующей поддержке со стороны масс-медийной культуры, и, во-вторых, если не учитывать фактор проверки временем (восточно-азиатские школы боевых искусств имеют потрясающе длинную историю существования, начиная с раннего Средневековья, а некоторые исследователи усматривают их начало ещё раньше). Последний связан с довольно долгим историческим развитием и неизбежным возникновением соответствующих вызовов, когда уходит в небытие всё архаичное, неэффективное и ложное, особенно в отсутствие какой-либо поддержки со стороны общества и государства, а порой даже при длительном гонении со стороны властей или из-за объективной тяжести существования социума. Всё перечисленное присутствовало в истории каратэ, и, тем не менее, данное направление выжило и достигло определённых высот и популярности среди широких кругов населения, и этот факт игнорировать никак нельзя.

Другим возможным ответом в деле разрешения противоречий может стать логичное предположение о том, что всё-таки что-то неуловимое, но тем не менее важное в системе обучения и практикования было утеряно или же оказалось погребено под ворохом наносных идей, искажений или недопонимания в процессе длительного развития и взрывного распространения по всему миру. Ведь не секрет, что

любая жизнеспособная концепция подвергается искажению, а подмена понятий может произойти совершенно незаметно, особенно когда в процесс вовлекаются большие массы людей и включается механизм экономической целесообразности в деле распространения и преподавания при одновременном снижении первичного утилитарного значения знаний. Такая точка зрения выглядит для автора более правдоподобной и последующее повествование послужит тому доказательством.

Основные методы изучения проблематики

Перед переходом к описанию своей нехитрой методологии хочу рассказать один забавный эпизод из своей жизни, лучше всего иллюстрирующий основной принцип моего подхода к изучению любой проблемы вне зависимости от её сложности, в целом, и позволивший написать этот фолиант, в частности. Хотя, учитывая современные реалии, правильной будет сказать «файл».

Дело было на последнем уроке очередного учебного года в университете, когда мы, послушные студенты, получали напутственное слово нашего куратора, очень доброй и уважаемой нами, достаточно пожилой дамы со званием профессора. Обводя нас взглядом, она по очереди высказывалась о положительных свойствах каждого из нас. Один был

очень трудолюбив, другой- яркая творческая личность, третий- любознателен и разносторонен. Это не были пустые вежливые слова, а на самом деле верно подмеченные свойства моих одноклассников, за которыми профессор пристально наблюдала в течение нескольких лет нашей академической жизни. Автор данного труда был в этой очереди раздачи заслуженных похвал последним. Я с интересом раздумывал, как наш любимый преподаватель выйдет из непростого положения, так как, по моим прикидкам, запас положительных характеристик из общепринятого лексикона уже был практически весь исчерпан; с другой стороны, многое из розданного другим могло быть адресовано и в мою сторону, но повторяться наш куратор явно не хотела. В итоге, посмотрев на последнего оставшегося студента и сделав небольшую смущённую паузу (все насторожились), она сказала слова, которые потом свидетели вспоминали с хохотом: «А Денис у нас очень логичный!»...

Для меня логика и здравый смысл всегда идут рука об руку и в определённой степени включают в себя другие общеизвестные исследовательские методы, как переход от общего к частному (дедукция) и наоборот (индукция), анализ и синтез, сравнение, использование знаний других наук (междисциплинарный метод) и системный подход. По моему мнению, любая целостная и функционирующая система всегда обладает своей определённой логикой – тонким механизмом, который связывает отдельные части воедино,

способствует их синхронизации, полезному функционированию или же непротиворечивому сосуществованию в рамках единого целого. Руководствуясь таким подходом, изучение неизвестного осуществлять довольно просто (что вовсе не исключает определённых сложностей в процессе, разумеется): понять целеполагание, из каких частей состоит, за счёт чего реализует функционал, как устроены отдельные компоненты, каким образом отдельные элементы связываются друг с другом, что является движущей силой протекающих внутри процессов. Если стоит задача воссоздать определённый механизм (систему), то обязательным моментом становится проверка работоспособности и способность осуществлять полезную деятельность. На мой взгляд, всё это достаточно доступно для любого, кто решит изучить любой интересующий его предмет.

Такой подход позволил мне в своё время самостоятельно построить достаточно успешный мебельный бизнес, освоить ремонт и тюнинг автомобилей, спроектировать и построить несколько домов от котлована до тапочек. Почему бы не подойти и к вопросу изучения дальневосточного наследия точно так же, несмотря на множество работ по данной тематике? Я вовсе не отрицаю экспертности различных узких специалистов, но, как показал мой личный жизненный опыт, слепо доверять им во всём и всегда точно не стоит, к тому же, не всегда официальный «эксперт» достаточно экспертен.

Как простейший пример использования логики и здра-

вого смысла в качестве инструмента познания приведу такую иллюстрацию, применительно уже к сфере единоборств. В каратэ или шаолиньском ушу можно встретить утверждение, что если тренироваться по особой методике, то можно достичь состояния «стального ладони», способной, согласно легендам, пробивать даже доспехи тогдашних воинов. Наше понимание мира в опоре на здравый смысл и на основе элементарных знаний о физиологии и материаловедении однозначно удержит нас от буквального понимания такого утверждения, а логика подскажет, что если методика укрепления всё же существует, и легенды о невероятном мастерстве в этом деле до сих пор живы, то определенный значимый эффект от такого рода практики может быть достижим. Остаётся разобраться, в какой степени.

Не могу не упомянуть ещё один важный метод, или, скорей, навык – наблюдение и фиксирование проявлений истинного знания, как я это определяю для себя. Такой навык часто служил (и служит до сих пор) путеводной звездой в моих изысканиях. Чтобы им воспользоваться, сначала надо его в себе развить, что, как ни странно, не такое уж и лёгкое дело. Есть расхожие выражения, типа «шила в мешке не утаишь» или «всё тайное становится явным». Действительно, истинное и здоровое с какой-то невероятной силой всегда стремится к проявлению себя, порой в очень неожиданных местах и формах: можно получить дельный совет от полного профана и помощь от человека, совершенно неспособного эту по-

мощь оказать, но подсказывающего лучшее решение. Главное- уметь видеть этот «цветок лотоса посреди мутного болота», ну и суметь воспользоваться возможностью заполнить ценные знания и опыт.⁵

Применительно к боевым искусствам, такой эффект «проявленности» часто возникал на моём пути. Помню, читал как-то не самого высокого качества художественное произведение под авторством некоего Д. Чейни (никакой информации в сети об авторе найти мне не удалось) с тривиальным названием «Честь самурая». В одном из эпизодов, где главный герой поступает в ученики к мастеру меча, последний произносит неожиданно верные слова, показывающие особенность тренировочного процесса в искусстве самурайского фехтования (и не только): «Со временем вы поймете..., что сила – нечто возникающее изнутри. ...Если вы последуете моему учению, вы разовьете ум и внутреннюю силу. Умение фехтовать будет результатом.» Уверен, что автор этого произведения не являлся мастером боевых искусств, однако каким-то непостижимым образом сумел сформулировать краеугольный камень в деле следования «пути меча», как, впрочем, и для других направлений дальневосточных искусств.

---

⁵ Здесь и в последующем я несколько фривольно жонглирую старыми поговорками и цитатами из трактатов и книг, поэтому прошу прощения заранее, если процитирую неверно. Моя цель в данном случае – не в точности цитирования, а в создании понимания общего фона, в котором мы пребываем, когда погружаемся в мир «тигров и драконов».

Обязательно обозначу также один из приёмов, который буду применять на страницах своего исследования сознательно – использовать понятные языковые термины, стремясь избегать туманных транслитераций. Я считаю, что частое использование подобного рода слов затрудняет понимание концепций предельно чётко и конкретно, что крайне важно. Обильные китаизмы и японизмы уводят мышление немного в туман спекулятивной многозначности или, что ещё более пагубно, навевает некий романтический мистицизм, и так немало присутствующий в дальневосточной традиции, и от которого необходимо избавляться, чтобы трезво видеть суть и достигать осознания глубины и ценности полученных знаний.

Формула Лао-Цзы «знающий не говорит, говорящий не знает» подвергается мной большому сомнению, ибо за такими сентенциями довольно легко скрывать отсутствие знаний или умения подбирать верные слова, в чём мифического великого старца обвинить, разумеется, никак нельзя. Другое дело, когда молчащий не хочет говорить или не видит в том смысла, а говорящий, наоборот, за цветистой «лиственной» слов скрывает своё незнание. Как же тогда делиться знаниями? Знаменитая поговорка явно предполагает вполне определённую трактовку, входящую в противоречие с основной функцией речи как вербального выражения мысли и способа передачи знаний и опыта. Поэтому возникает сомнение в абсолютной верности приписываемых легендарно-

му дедушке слов, а вслед за первым сомнением возникают и другие, о чём лучше не многозначительно молчать, а конструктивно говорить. Давно известно, что слепое следование и неизбежное подражание великим ни к чему великому (кроме глупости, разве что) не приводит. Умение понятно и ёмко выражать концепции с помощью вербальных средств – очень ценное качество грамотного человека и основной инструмент преподавателя.

В процессе познания, наблюдая и изучая какое-либо явление, мы можем анализировать собранные данные, пытаюсь разобрать мельчайшие подробности устройства элементов, а также можем соединять отдельные кусочки мозаики знаний в единую систему для того, чтобы увидеть общую картину. Таким образом, изучение самобытного окинавского искусства боя надо рассматривать не только через существующие формально-технические характеристики, но и с учётом исторического генезиса на общем мировоззренческом фоне Дальнего Востока. Это поможет нам не упустить основополагающие движущие силы, приведшие к возникновению большого количества искусств Японии и Китая на сходных идейных основах, в целом, и проявленные в каратэ, в частности. Так мы сможем полнее понять исходную методологию и найти выпавшие элементы, если такое случится (или уже случилось), предпринимая определённого рода реконструкцию.

В фокусе нашего внимания будут знания, транслируемые современными специалистами, доступные исторические до-

кументы и тексты, среди которых огромный интерес представляют авторитетные классические трактаты. Также необходима будет опора и на личный опыт читателя, через призму которого можно также оценивать состоятельность сформулированных тезисов и их доказательств.

Итак, вооружившись довольно нехитрыми основополагающими принципами в деле изучения тайного с целью сделать некоторые потаённые секреты явными, можно смело отправиться в путь исследования такой непростой темы, как дальневосточные боевые искусства на примере каратэ как части куда более обширной области, которую я бы обозначил как «даосско-буддийская традиция самосовершенствования». Да, именно как часть этой системы взглядов и практик я воспринимаю каратэ, причём считаю, что даосско-буддийская традиция является идейной базой и содержит своего рода «технологию» развития адепта, следующего пути совершенствования через боевое искусство.

Личный опыт- основа понимания каратэ. Опыт автора

Приступая к развитию темы, думаю, надо рассказать о своём опыте в деле постижения каратэ и других практик Дальнего Востока. Убеждён, что конкретный человек и его опыт в рамках обсуждаемой темы – очень важный элемент, который обязательно должен учитываться. Ведь са-

ма суть древней восточной традиции – в ответе на вопросы об устройстве мира вокруг отдельно взятого человека и его месте в этом мире. Такое знание направлено не на умственную гимнастику, а на получение прямого руководства к действию и отношению. Теоретическое знание без практического применения, получается, – довольно пустая затея. Следовательно, искусство постижения устройства мира и места человека в нём неотделимо от постигающего! При этом прогресс всегда индивидуален и слабо поддаётся стандартизации, является в высокой степени творческим процессом. Свою историю я намерен привести в качестве иллюстрации, как происходил частный процесс постижения сути восточных единоборств, что привело к определённым выводам и оформлению точки зрения, изложенной в данном труде.

Мой путь в боевых искусствах и одновременно оздоровительных практиках начался довольно в раннем возрасте и по достаточно банальной причине – слабое здоровье и оттого ощущение некоей неполноценности, к тому же ещё не хотелось чувствовать незащищённость перед всякого рода задирами на улице. Детство и юность пришлись на весьма сложное время для страны России, в которой я родился – так называемые 90-ые годы: распад большой страны имперского типа, сумятица в головах взрослых, их бесконечные споры о том, кто виноват и что необходимо делать – всё это на фоне жёсткого социально-экономического кризиса. Жил я в небольшом поселке городского типа в 40 кило-

метрах от провинциального областного центра. Помню конкретный год- 1988: тогда популярный журнал «Техника молодёжи» с 6-го номера начал печатать серию статей на тему китайского ушу. Также появились материалы в популярном журнале «Здоровье». Постепенно информационный вакуум заполнялся печатными источниками, также по рукам ходили самиздатные перепечатки с брошюр, типа «Боевое самбо» или какое-нибудь «Кунг-фу монастыря Шаолинь», носившие ореол «запрещенной литературы», передававшихся среди молодежи «из-под полы» в режиме «строгой секретности», хотя никаких, в общем-то, наказаний за это уже не было.⁶

Заниматься я стал самостоятельно, основным моим руководством был журнал «Техника молодёжи», который после серии публикаций по апокрифическому стилю ушу под названием «Чой» в 1990—1992 годах выпустил гораздо более интересную и содержательную серию публикаций по Шаолиньцюань (Шаолиньский кулак) под авторством востоковеда-романтика А. А. Маслова. Шаолиньцюань в тогдашних моих глазах стал идеальной комплексной системой укрепления здоровья и развития навыков самозащиты вкупе с экзотическими методами развития сознания, что имело довольно смутный, но тем не менее весьма привлекательный харак-

---

⁶ Так называемый «запрет каратэ» 1981 г., так и не получивший чёткое юридическое оформление, к тому времени уже совсем не соблюдался, но сознанию советских и постсоветских людей было свойственно постоянное опасение «как бы чего не было».

тер, так как давало для подросткового поиска определённые ответы на вопрос о смысле земного существования.

В 1992 году я наконец-то записался в первую в своей жизни секцию ушу в городе, куда ездил на электричке по железной дороге трижды в неделю на вечерние тренировки в течение 3-х лет вплоть до окончания школы в 1995 году. К тому времени доступной литературы по боевым искусствам стало очень много, в выбранном стиле Шаолиньцюань я весьма поднатерел, если верить тренеру.

В 1995 году поступил в один из местных университетов. В тот же год мой тренер, как потом выяснилось, весьма подуставший от моей любознательности и бесконечных расспросов, настоятельно посоветовал мне пойти в обучение к недавно приехавшему в наш город «спецу». «Спец» оказался весьма оригинальной фигурой во всех отношениях, и встреча с ним и последующее общение на протяжении почти 10 лет действительно были очень плодотворными на моём пути, дали огромный импульс в развитии, становлении моих взглядов на дальневосточные боевые искусства, сформировали меня как специалиста в этой области.

С 1995 года я стал развиваться в рамках традиционного окинавского каратэ, которое практиковал мой новый наставник. К моему удивлению, Шаолиньцюань оказался куда ближе к каратэ, чем я до этого себе фантазировал под воздействием общепринятых суждений. Эта связь основывалась не на формах и движениях, а на глубоких концепциях,

которыми руководствовались оба направления. До этого тренировки в секции ушу включали в себя «отработку» «правильных» технических действий через многократное повторение, изучение великого разнообразия различных способов наносить удар, ставить блок или выполнять иное действие. Занятия же в новой школе строились на освоении ключевых концепций, их реализации через работу тела и обретении таким образом умений выполнять какое-либо действие с максимальной эффективностью.

Главное, что стало для меня неожиданным открытием, было то, что, оказывается, «заезженные» идеи из мира боевых искусств, по поводу которых любили рассуждать все, кому не лень, были полны глубокого практического смысла, если на них глядеть под несколько иным углом зрения и воспринимать более конкретно. Так вдруг стойка для меня перестала быть набором различных поз, дыхание стало реальным источником силы, базовые техники вместо набора многообразных действий обрели единообразное и лаконичное содержание, а возможность вести поединок стала не целью тренировки, а, скорей, следствием формирования качеств.

Это стало первым этапом серьёзного осмысления восточной традиции, на котором когда-то читанные философские рассуждения о «Дао» и «истинной природе» естественным образом стали восприниматься не как «декорация» к традиционным единоборствам, а вполне себе прикладной идеей. На том этапе, разумеется, для понимания доступнее бы-

ли близкие к боевым искусствам концепты наподобие «силы Земли» или «усилия в один дюйм». По мере прогресса в тренировочном процессе в голове эти понятия как будто сами всплывали и звали найти те тексты, в которых они встречались до того, и перечитать их с новым пониманием.

С 1996 года я уже стал инструктором-помощником для начинающих в каратэ. Оно и не удивительно: формальные и общефизические основы уже были заложены, огромный багаж знаний по теории в голове накопился. Новому наставнику надо было только направить, как говорится, на путь истинный, подсказать, под каким углом рассматривать доктрины, как органично всё структурировать. Энергия энтузиазма и молодости доделывала остальное – помню удивительное ощущение того, что не всегда работающие формы, которые изучались и повторялись годами, вдруг обретали наполнение силой, становились действительно быстрыми и эффективно «работающими» в бою.

В 1997 году в рамках созданной областной федерации боевых искусств и по поручению моего сэнсея я занялся изучением и составлением учебного плана по айкидзюцу как своего рода «дипломной работы» и необходимого факультатива в дополнение к практике каратэ. С конца 1997 года уже получилось начать преподавание данного направления, так как с полученной базовой подготовкой и, что более важно, определенным осмыслением принципиальной сути дальневосточной традиции воинских искусств это было совсем

несложно сделать. Впоследствии к сфере моих компетенций добавились японское кэндзюцу (искусство самурайского меча) и дзёдзюцу (искусство владения палкой). Также, начиная с 2008 года, моё внимание было приковано к китайским «внутренним направлениям», таким как Багуачжан, Синьциуань и, неизбежно, Тайцзицюань.

Вообще, мой возврат к китайскому ушу был неизбежен не только в силу объективно существующих родственных связей с окинавскими и японскими воинскими искусствами, но и по причине того, что каратэ и китайские системы единоборств уже тогда воспринимались мной как отдельные части общей традиции саморазвития. Следовательно, рассмотрение этих частей в составе единого целого даёт более полное понимание отдельных элементов (школ, стилей, технических моментов или принципиальных концепций), так как позволяет взглянуть на различные частные явления под разными углами в рамках единого мировоззрения. Что ещё более важно, такой подход в итоге открывал новые горизонты для достижения.

В 2020 году я прекратил преподавательскую деятельность, так как накопилась определённого рода усталость – прежняя модель преподавания и взаимодействия с учениками уже перестала меня привлекать, хотелось уделить больше времени и сил другим аспектам «искусств пути», к тому же возникли насущные проблемы, поиск новой траектории жизненного пути. События начала 2022-го года рез-

ко поменяли всё в моём жизненном укладе, стали последней каплей в чаше гражданского терпения и... способствовали тому, чтобы наконец-то я сел за комп и осмысленно и по возможности структурированно изложил в Word'e свои мысли на заданную тему. Лишний раз убеждаешься, что ветхая мудрость, утверждающая, что любое негативное событие несет в себе позитивное начало, никогда не потеряет для нас актуальность и стоит того, чтобы руководствоваться ею в испытаниях, возникающих на нашем пути.

Итак, имея на данный момент 36 лет опыта в изучении, практиковании и обучении в области дальневосточных боевых искусств, уверен, что могу осветить некоторые вопросы в данной области, заслуживающие, на мой взгляд, пристального внимания. Да, точнее, – нет, официального участия в широко известных организациях с получением официальных регалий и поясов у меня нет. Никогда к этому не стремился и постараюсь объяснить почему.

Как уже упоминалось выше, в детстве я был довольно болезненным и неуверенным в себе ребёнком. На ушу натолкнулся я в поиске гимнастики, которая бы поспособствовала укреплению здоровья, в первую очередь. Как система боя эта наука стояла для меня немного на втором месте. Тогда в советском и вскоре постсоветском обществе бытовало мнение о том, что тогдашняя современная медицина больше калечит, чем лечит, а следовательно, надо укреплять здоровье самостоятельно- верное, в целом, утверждение, но, к сожалению,

нию, в том социуме это приобретало порой какие-то извращённые формы: вспомним, к примеру, огромную популярность шарлатанов Кашпировского и Чумака, врачевавших с помощью телевизора.⁷

Обычная общеукрепляющая гимнастика (в то время оставленная на пыльную полку в силу недостаточного пиара), разумеется, подростка привлекала не так сильно, как овеянное ореолом таинственности ушу. К тому же основные идеи о том, что движение- жизнь и гармоничное развитие может давать удивительные результаты, плюс последовавший медийный бум на восточную экзотику, бесповоротно увлекли нежную душу на многие годы. Регулярные занятия, да ещё на свежем воздухе не могли не дать положительный эффект, а загадочная философия на грани мистики способствовали чтению и уединённому размышлению, поискам смыслов, что для подростка в определённой мере довольно полезное занятие в свободное время.

Сложившиеся реалии того времени не давали возможностей иметь общение с более-менее большими специалистами в данной области. Понятно, что тема «истинной передачи» звучала практически во всех пособиях, которые попадались под руку. Но разве мог ли это быть повод не изучать интересующую тему? Конечно же, нет!

Когда появилась первая возможность попасть на заня-

---

⁷ Телевидение, конечно, для тогдашнего общества было особой религией, и, боюсь, в немалой степени остаётся до сих пор.

тия к дипломированному преподавателю, выяснилось, что, оказывается, мои самостоятельные занятия не были пустым времяпрепровождением, даже, скорее, наоборот- позволили практически мгновенно стать одним из лучших в секции. В общем, чай из чашки выплескивать не потребовалось- думаю, понятно, о чём речь.⁸ И это, возможно, был первый звоночек, первая трещина в той монументальной стене «истинной традиции» и необходимости быть принадлежащим какой-либо «правильной» школе, приведшая меня в последствии к переосмыслению всего японско-китайского наследия.

Дальше- больше и хуже. Но не для меня. К моменту окончания 2-го года занятий в секции ушу здоровье моё, разумеется, уже было совсем не такое слабое, как в начале пути, позволяло уже и «поспорить на кулачках» с достаточно сильными и опытными соперниками. Получая порой чувствительные зуботычины, неудачи я списывал на то, что что-то «недотренировал» или потому что пока не встретил «правильного» мастера, способного обучить должным образом с передачей всех секретов. Вот, думал, доберусь до китайцев когда-нибудь, вот тогда-то всё и случится! А пока надо просто тренироваться- ведь говорят (а точнее- пишут), что надо 10000 ударов по колодцу нанести, чтобы стало возмож-

---

⁸ Знаменитый «дзэнский» приём объяснить начинающему, что для успешного ученичества надо сперва избавиться от груза прошлого знания- «опустошить чашку с чаем», чтобы наставник смог «налить» туда новое содержание.

ным использование «усилия в один цунь»!⁹ Когда наконец довелось встретиться действительно со знатоком, то я быстро осознал, что искал не совсем то, что следовало, и не совсем там, где оно находилось.

В середине 90-х информации по единоборствам стало очень много, начали появляться учебные видеофильмы, годом поздней даже мы в своей глуши узнали о так называемых «боях без правил»¹⁰, где, вроде бы, должен был решиться спор, «чъё кунг-фу сильнее» ... Последнее показало, что кунг-фу в целом так себе, мягко говоря. Понятно, что «не для того оно создавалось», что «там всё равно есть правила», «да если применить секретные техники, то будет смертоубийство», ну и финальное- «настоящая «воинская добродетель» не позволяет использовать искусство «всуе».

С какими-то из этих высказываний нельзя не согласиться, но в целом проблема была всё равно очевидна: любой последователь ушу или каратэ, выходя на ринг, превращается в заурядного или не очень, но (кик-) боксёра! Если экзотическое кэйкоги (кимоно) заменить на боксёрские трусы- вообще никакой разницы не увидеть. Мне это на тот момент стало очевидным. И это никак не стыковалось с моими знаниями в данной области. Получалось, что многолетние трени-

---

⁹ Знаменитое упражнение из 72 шаолиньских форм, когда ученик наносит удары по обсадке колодца, добиваясь плеска воды внутри.

¹⁰ Соревнования, проводившиеся организацией UFC с минимальными ограничениями.

ровки в «правильных» организациях, даже с мировым именем, приводят к тому, что адепт становится максимум более-менее сносным панчером?! А не проще тогда сразу пойти по тому пути? Зачем имитировать глубокие смыслы при работе с «лапами тигра», глубокими стойками, замысловатыми тао/ ката, пыхтением по пояс в воде, работе со стихиями и так далее и тому подобное? Я уж изо всех сил молчу про «работу с ци»!

Конечно, взирать на всё это безобразие с экрана одно, а свой опыт- другое. В то время (1995—2000г.г.) мы в рамках нашего не сильно большого клуба организовывали показательные выступления, участвовали в более масштабных мероприятиях вместе с представителями разных школ. Тогда одним из наиболее популярных направлений было Кёкусин Будо каратэ, в нашем городе уже были мастера с чёрными поясами. Будучи инструктором, я с удивлением наблюдал за их демонстрацией ката и парной работы. Всегда у меня возникал один и тот же вопрос- почему в их понимании эти элементы практики умудряются существовать отдельно, особенно когда дело доходит до поединка, пускай даже и ограниченного правилами? Почему люди, посвятившие занятиям долгие годы, получившие признание в данной области в качестве специалистов со стороны светил с международным именем, в том числе из самой Японии (!), не могут реализовать заложенный в их школе потенциал? Не хочу звучать как критик отдельно взятого направления- проблема ка-

сается практически всех широко известных школ дальневосточных воинских искусств. Просто тогда перед глазами были именно те ребята. Позже я наведывался к ним несколько раз- интересно было этих богатырей «потрогать руками». Нормально так трогал. Потом однажды, помню, в раздевалке одного из залов-додзё, робко так подходит один из ребят и спрашивает, мол, ты откуда такой и знаешь ли, кого ты сейчас по додзё гонял? Оказалось, что это был, вроде бы, бронзовый призёр России, правая рука сэнсея данного клуба, как минимум весьма опытный и сильный боец. Сэнсей был не моей весовой категории- маловат и слишком щупловат – поэтому наблюдал за этим безобразием со стороны и без комментариев.

Зато другой сэнсей, видный такой мужчина, в другом додзё, после наблюдения за моими действиями с его воспитанниками заявил, что я перспективен, но надо бы мне сначала «дать прикурить», а потом переучить «по-правильному» – так можно было перевести его арготические высказывания на нормальный язык. Что поделаешь- так вот культурно он изъяснялся, глава местной федерации «самого сильного каратэ»! Я ему, мол, таки надо б, откровенно намекая, что, если у него есть желание меня осадить, то – добро пожаловать. Но он, отведя глаза, как-то замялся и сменил тему. Согласитесь, что после такого вот опыта стремиться к принадлежности какой-либо школе не особо захочется...

К моменту окончания университета я получил не толь-

ко фундаментальные знания в области дальневосточных боевых искусств, но и определённый практический опыт, в целом органично подведшие меня к выводу в вопросе, нужны ли мне «китайские мастера» или принадлежность к какой-либо именитой школе. К тому же жизнь для вчерашнего студента в условиях необходимости бороться за материальное существование после недавно прогремевшего очередного российского экономического кризиса дала новый поворот- появилась возможность заняться предпринимательской деятельностью. То была яркая эпоха, продлившаяся почти 14 лет со своими взлетами и падениями.

В этот период боевые искусства и их преподавание были для меня несколько на 2-ом плане, служили объектом личного увлечения, погружения в истоки и идейные основы, породившие это уникальное явление. Удивительным для меня явлением того периода стало то, что опасных конфликтных ситуаций с разного рода «горячими головами» практически не возникало- такое ощущение, что задиралы стали как-то обходить стороной, ну а сам я, естественно, к «подвигам» не стремился, так что похвастать обилием баек, типа «а вот наскокивает на меня как-то в баре громила с дубиной», не могу.

Тогда очень большое внимание я начал уделять китайской традиции, одно время даже признавался себе, что моё каратэ стало больше Багуачжан и Синъицюань, нежели чем окинавским направлением. Дело в том, что я начал понимать,

по крайней мере, мне так казалось, о чем пишут классики, такие как Сунь Лутан, на мой взгляд, совершивший передачу в современность сложных концепций в очень лаконичном виде и неподражаемом стиле. И это понимание было отличным от того, которое демонстрировали мои собеседники- приверженцы каких-либо «официальных» школ боевых искусств, с которыми порой доводилось обсуждать какой-либо классический труд или концепцию. Очень стал не любить читать классическую литературу с комментариями- на мой взгляд, «разъяснения» больше нагоняли тумана, нежели облегчали понимание чего-либо, или же зачастую попросту были писаниной ни о чём, но с обязательным выпячиванием «экспертности» комментаторов.

Однако погружение в китайские «внутренние» стили, разбор их концептуальных особенностей, технических моментов не только не отвратили меня от каратэ, а наоборот способствовали быстрому возврату обратно, но с новым пониманием. Дело в том, что, как мне кажется, искажений и неверных интерпретаций в китайских боевых искусствах еще больше. Очевидно, что «руководящая и направляющая роль партии под мудрым руководством особ, приближенных» к неограниченной власти и ресурсам, да ещё в течение долгого периода времени, оказали здесь своё губительное воздействие. С другой стороны, ни для кого не секрет, что системы каратэ и ушу- прямые родственники, т.е. никаких внутренних или внешних противоречий между ними

нет. К тому же, на мой взгляд, окинавцы, не сумев или не получив возможности перенять сложные китайские концептуальные хитросплетения в свою практику, взяли самое простое и эффективное, постаравшись отшлифовать всё взятое до совершенства.

Таким образом, формально и в исходном практическом применении окинавское направление как основа для изучения традиции самосовершенствования выглядит для меня более подходящей. То есть, если осваивать и развивать те самые «сложные китайские концептуальные хитросплетения» на формальной базе каратэ, то получается очень даже удобно! Логично было бы в таком случае использовать удобную и привычную форму для наполнения более качественным содержанием.

В течение уже, получается, десятилетий в беседах на тему дальневосточной философии и боевых искусств я привык к постоянно высказываемой мною мысли, что я просто слеую древней традиции, не создаю ничего нового. Довольно долгое время я искренне так считал. Казалось, что ничего изобретать там не надо, всё и так присутствует, просто многое, как всегда это происходит абсолютно со всем, искажается, ускользает, приходит в упадок, и надо просто обратиться к истокам, классикам (тут надо ещё разобраться, кого и что к этому отнести, разумеется). Чтение трудов прошлого очень способствовало формированию такой точки зрения.

Однако его величество Youtube даёт возможность загля-

нуть во всевозможные уголки мира и даже перенестись во времени в прошлое (благо сохранились видеозаписи с мастерами аж первой половины XX-го века) и подслушать, что по этому поводу говорят признанные авторитеты, а также подсмотреть, как они выражают свои представления в движении. Есть замечательное китайское выражение, что мастера можно определить по нескольким движениям. А ещё есть уже не китайское высказывание, что когда человек начинает говорить, то становится понятно, как он мыслит. На основе таких незамысловатых методов в последнее время я стал склоняться к мысли, что всё-таки нечто новое в каратэ я привношу, пускай даже и в форме некоего варианта апокрифического ревизионизма. В этом меня утверждает тот факт, что использование одного и того же знания и методов, казалось бы, должно приводить разных людей примерно к одним и тем же результатам, но на деле получается, что реальность опровергает верность этого постулата. Выходит, надо разбираться, которая точка зрения ближе к истине и, следовательно, более продуктивна.

Общепринятое определение термина

Пришло время обсудить общепринятое понятие в отношении термина, обозначающего окинавское боевое искусство. С использованием слов и их значениями надо хорошо разобраться, особенно если мы собираемся практиковать данную форму активности в своей жизни, так как неверное определение ведёт к неправильному (или не совсем правильному) пониманию, что в дальнейшем может стать препятствием для выработки верной методики обучения, следствием чего будет достижение не совсем тех результатов, которые изначально планировались. Как совершенно верно утверждается в старой китайской поговорке, крохотная погрешность в определении направления пути в начале приводит к неизмеримо большему отклонению в конце. Поэтому не следует пренебрегать разбором терминов и оттенков их значений, так как это неизбежно окажет воздействие и на более осязаемые вещи в последующем.

Если с целью определения термина «каратэ» обратиться к Википедии, то там мы обнаруживаем наиболее консенсусный, общеупотребимый вариант: «каратэ» (яп. «пустая рука») – это японское боевое искусство, система защиты и нападения. Часто термин записывается в более длинной форме «каратэ-до» с прибавлением понятия «пути» для придания данной системе более глубокого философского смысла – как

система не только боя, но и своеобразного жизненного уклада, которому адепт следует всё свою жизнь и постулатами которого руководствуется при принятии любого жизненного решения.

Что касается «японского» происхождения, то здесь стоит упомянуть, что, строго говоря, произошло каратэ в королевстве Рюкю, изначально не входившем в состав японского государства и располагавшемся на архипелаге, где основным был остров Окинава. Однако на современный облик каратэ (особенно внешний) японская культура безусловно оказала решающее влияние.

«Пустой рукой» каратэ стало относительно недавно, в большой степени благодаря тенденциозности времени¹¹, заменив омофонно звучащую «китайскую руку» (первоначальное значение «каратэ»), придав дополнительный философский смысл названию системы, приплюсовав сюда ещё и понятие «пути» (яп. «до»). «Пустота» здесь помимо философского элемента из системы дзэн подразумевает также и вполне буквальное значение «безоружного боя». Однако изначально система подразумевала развитие навыков и качеств на основе работы без использования оружия в качестве «базы», что совершенно не исключало дальнейшее овладение различными видами оружия, особенно «подруч-

---

¹¹ В начале XX-го века наличие отсылок к Китаю в названии никак не способствовало распространению в японском обществе, обуянном шовинистическими идеями своего превосходства над другими народами, особенно над давним китайским соседом.

ного» (практикуемого до сих пор в большом количестве традиционных школ в разделе «кобудо»).

«Боевым» данное искусство является в значении «может быть использовано для самозащиты». Часто определение «боевое» вводит в заблуждение, так как может показаться, что эта система имеет (имела) отношение к армейской среде профессиональных воинов и их воинским практикам. Однако это не совсем так, и этот вопрос подробнее рассмотрим при обзоре истории развития и социальной среды, в которой формировалась данная система. По крайней мере, в истории каратэ среди знаменитых мастеров-основателей прошлого мы не обнаружим ни одного военного, который бы непосредственно участвовал в каких-либо баталиях, хотя исключать, что какие-либо оставшиеся неизвестными специалисты эпохи меча и копья не служили в армии и не использовали свои умения в общевойсковом бое, совершенно нельзя. Часто звучащее в среде окинавских (и японских) мастеров звание «Буси» («воин») отлично в своём значении от «самурай» («служивый») и означало чаще более общее «сражающийся» или «борющийся», что могло применяться также и к духовному подвижничеству. Яркий пример – «яма-буси», «горные воины», бывшие одиночками-отшельниками, практиковавшие боевые искусства в первую очередь в качестве духовной практики. А вот как орудие самозащиты, которое всегда при себе, данная система служит очень хорошо. К тому же владение каратэ повышает качество на-

выков и при решении других задач, в том числе и ратных, разумеется.

Понимание каратэ как «системы» является очень верным, так как данное искусство действительно имеет вид упорядоченной и структурированной системы с разработанной методикой и терминологией, выделяется ярко окрашенной стилистикой. Эта система строится на способах самообороны, которые включают контратакующие действия в основном ударного характера. Только в этом ключе можно согласиться с содержащимся в определении упоминанием об атакующей составляющей данной системы. Воспринимать её «атакующей» в более широком и общем понимании было бы ошибкой, так как стратегия и тактика подразумевает не столько одержание уверенной победы над противником, сколько стремление уберечься от своего поражения или травм. Атакующая тактика для традиционного каратэ не то чтобы чужда, а скорее ущербна, так как имеет два больших недостатка: во-первых, предоставление противнику возможности использовать возникающую при движении уязвимость тела атакующего и, во-вторых, невозможность воспользоваться встречным движением агрессора, что особенно значимо при столкновении с более сильным противником, когда критически важным является фактор усиления поражающего эффекта контратаки за счёт грамотного синхронного действия.

Общепотребимое определение не включает в себя некоторых очень важных моментов, присутствующих (или при-

сутствовавших) в традиции. Одним из таких элементов является общеукрепляющий эффект для организма благодаря регулярности занятий и создания соответствующей методики, включавшей работу с телом, дыханием и психоэмоциональным настроем. Данная составляющая ярко проявилась в главном историческом источнике для возникновения каратэ – китайском ушу. Однако и японский аналог мало чем уступает китайскому предку, позволяя практикующим укреплять и поддерживать здоровье, а людям преклонного возраста сохранять двигательную активность и когнитивные функции до глубокой старости.

Ещё одним очень важным элементом является «философская» составляющая, позволяющая не только формировать характер адепта (что наиболее часто упоминается мастерами начала XX-го века, именно так воспринимавшими значение каратэ как системы самосовершенствования), но и познавать мир и себя в значительно более широком смысле «духовного» саморазвития. В этой своей ипостаси каратэ является органичной частью дальневосточной традиции в целом, построенной на довольно древних концепциях, служивших также основой для других искусств, наук и мировоззрения.

Таким образом, понятие «каратэ» должно звучать как «японское комплексное учение самосовершенствования на основе искусства самообороны и традиционных философских учений». ¹² При таком понимании становятся понят-

---

¹² При описании каратэ и его аспектов также часто используются краткие тер-

ны сильные стороны данного феномена, а также и определённые ограничения, не позволяющие, в частности, быть исключительно эффективной спортивной единоборческой дисциплиной, так как подобного рода «специализация» неизбежно будет переформатировать сбалансированную методологическую структуру, лишая её сильных сторон.

мины, синонимичные «боевому искусству» – «единоборство», хоть и не всегда противником является один человек, «воинское искусство», что вовсе не означает принадлежность профессиональной группе.

Критический взгляд на противоречивую историю каратэ

Практическая направленность изучения истории

Если попытаться кратко охарактеризовать базовую сущность каратэ как системы единоборства, то можно дать такое описание: это искусство самозащиты, выстроенное на основе определённых концепций, как можно подготовить и эффективно использовать в поединке собственное тело. Общая стратегическая и тактическая задача заключается в том, чтобы путём овладения определёнными навыками повысить способность противостоять более сильному и агрессивному. Эффективное овладение навыками, в свою очередь, должно опираться на формирование определённых свойств (целостности, силы, скорости, выносливости, проч.). Простое многократное повторение определённых технических действий есть не совсем рациональный способ достижения поставленной задачи, хотя тоже является фактором внутренних и внешних изменений тела и сознания адепта и формирования умений. Нужна определённая идейная наполненность в методах, своего рода «технология», позволяющая в сжа-

тые сроки достигать поставленных задач. Понять идейную наполненность каратэ и увидеть её в развитии очень помогает изучение истории этого единоборства. Таким образом обращение к истокам для практика нужно не просто как дань традиции или способ расширения кругозора и удовлетворения любопытства, а как дополнительный способ осмысления содержания изучаемого искусства, в процессе которого происходит вычленение главного содержания среди разнообразия внешних форм, становится возможным увидеть упущенное – своего рода «белые пятна» в результате выпадения каких-либо значимых элементов системы, что могло произойти по разным причинам. Благодаря изучению истории возможна также и обратная реконструкция отдельных значимых элементов для восстановления целостности системы и её работоспособности.

История каратэ для автора представляет интерес именно с этой точки зрения, когда можно проследить генезис идейной составляющей, в свою очередь определяющей способности овладения технической стороной искусства (методологию). Методология овладения техникой, по сути, является важным определяющим фактором внешнего облика каратэ, связывающим в большой степени абстрактную идею-концепцию (например, единство противоположностей) с актуальным применением на практике (использование силы противодействия для развития силы действия на тренировке или при контратаке встречным действием в уязвимую область те-

ла стремительно атакующего в бою агрессора). В конечном счёте можно сказать, что методология определяет и эффективность искусства в целом – весьма актуальный вопрос.

Техническая сторона здесь менее важна, так как, во-первых, человеческое тело каждого устроено одинаково, следовательно, способы использования этого тела и воздействия на другое «вывести» несложно. Выяснить нахождение болевых точек на теле противника можно даже посредством своего, а прикинуть, как эффективно поразить противника рукой или ногой в уязвимую область, тоже не представляется тяжёлой задачей. Во-вторых, «подглядеть» боевые приёмы у других, знающих, тоже возможно. А вот разработать способы развития навыков и качеств, позволяющих использовать удары, блоки и прочие действия телом в соответствии с идеей (например, «малой силой одолеть силу великую»), уже будет нетривиальной задачей.

На основе вышесказанного изучение истории каратэ следует разделить на две составляющие: первая будет охватывать более широкую картину развития духовно-философской мысли дальневосточного общества (в первую очередь Китая) на значительных промежутках времени, а вторая будет касаться менее длительных периодов (история каратэ довольно коротка) и держать в фокусе внимания более частные фрагменты жизни и деятельности известных мастеров, подробности технических и методологических особенностей школ и стилей, а также их изменение. Первой темы будем

касаться в последующих разделах, затрагивая связи с основными учениями юго-восточной Азии и иллюстрированием на примере конкретных решений в томе, посвящённом непосредственной практике. А вот вторая составляющая послужит темой обсуждения прямо сейчас.

При ознакомлении с историей окинавского боевого искусства мы неизбежно столкнёмся с рядом трудных для простого объяснения моментов. К ним относятся: неувязки и парадоксы скудных исторических данных, где легенд больше, чем подтверждённых фактов; не совсем ясная социальная среда, в которой зародилось и развивалось единоборство, что является до сих пор темой для ненужных спекуляций; стремление многих авторитетов каратэ приуменьшить роль китайского влияния, что пагубно сказывается на понимании форм и методов, особенно при попытке переосмысления или реконструкции; причины смещения практики в сторону безоружных методов боя; умалчивание некоторых негативных исторических фактов – в первую очередь, использование каратэ в деле милитаризации общества в имперский период до окончания 2-ой мировой войны; наконец, очевидные концептуальные различия трудов по каратэ от авторитетных авторов в сопоставлении с предшественниками – «библией каратэ», трактатом «Бубиси», и другими классическими трудами китайского происхождения.

Парадоксально короткая для столь древней цивилизации письменная история каратэ удивительна, особенно на фо-

не «старших братьев» – Китая и Японии. Задokumentированная история каратэ коротка настолько, что о появлении достоверных данных можно с уверенностью говорить только в конце XIX-го- начале XX-го веков, когда письменные источники и свидетельства современников не оставляют сомнений в подлинности историй о мастерах. Этот парадокс носители данного культурного феномена часто пытаются объяснять секретностью и дополняют исторические пробелы множеством легенд о мастерах давно минувших дней. Самым же простым и очевидным объяснением здесь может быть действительно весьма короткая аутентичная история.

Надо понимать особенность мировосприятия на Востоке, когда любое значимое явление в жизни социума оценивается с точки зрения его древности и связей с авторитетными историческими фигурами: то есть чем древнее, тем истиннее и качественнее. Разумное зерно, с точки зрения проверки временем и востребованности, разумеется, в таком подходе есть, но, к сожалению, стремление к «древности» приводит к возникновению связей зачастую с мифическими персонажами (как это часто можно наблюдать в китайской традиции), а также к надуманным историям-легендам и подтасовке фактов. Так как, по-видимому, в истории государства Рюкю (как долгое время называлось маленькое королевство, расположенное на Окинаве и окрестных островах, – родина каратэ) не было своих Шаолиней, Бодхидхарм и Чжан Санфэнов, то истоки окинавского искусства кулачного боя

многие японские и окинавские исследователи видели в древнем мифическом «тэ» («ти») местного происхождения, распространённого в среде немногочисленной служилой знати, и привнесённом кэмпо (кит. «цюаньфа» – «кулачное искусство») в результате торгово-политических и культурных сношений со «старшим братом» – Китаем. Упор на такой синтез делался в немалой степени для того, чтобы подчеркнуть древность и уникальность каратэ, а также непохожесть на китайские варианты (и в определённом смысле сторонники такой теории правы).

Саму историю каратэ можно разделить на 4 условных этапа: период первых упоминаний и первые китайские (и японские) заимствования (конец XIV-го – конец XVIII-го веков); переход от этапа легенд к передаче традиции от учителя к ученику с зарождением основных стилей (XIX в.) – этап действительного зарождения уникальной системы; этап широкого распространения на Окинаве и Японии (процесс «японизации») с появлением большого числа мастеров и возникновением множества школ (с начала XX-го века до 1945г.); время ренессанса после 2-ой мировой войны и широкого распространения по миру (1945—1993 годы); наконец, современный период (с 1993г.).

Ранние упоминания (конец XIV – конец XVIII)

Первый этап, как и последующие, тесно связан с устройством королевства Рюкю на Окинаве и бурными событиями его внешнеполитической и социальной жизни. Доступные нам исторические свидетельства показывают, насколько сильно было социально-культурное влияние материковой Поднебесной империи на королевство Рюкю. С континента приезжало немало переселенцев, оставшихся в островном государстве и неизбежно принёсших свою культуру, знания и обычаи. В исторические анналы попали сведения о китайских семьях (упоминаются сначала 5, потом 36), которые в конце XIV-го века переехали на Рюкю и поселились в деревне Кумэ неподалёку от портового города Наха, одного из будущих центров каратэ. Эти переселенцы были, по всей видимости, успешными представителями торгового сообщества, учёными, чиновниками, ремесленниками и представителями учений конфуцианства, даосизма и буддизма. Предполагается, что эти переселенцы были первыми, кто принёс систематизированные знания о кулачном искусстве на Окинаву, что, учитывая китайскую ментальность и утилитарную необходимость в методах самозащиты в тогдашнее весьма непростое время, представляется вполне логичным, так как для Китая той эпохи уже был свойственен интерес широких

слоёв населения к искусствам владения различными видами холодного оружия, шедшими рука об руку с методами безоружного боя и системами укрепления здоровья.

Нельзя отрицать наличия каких-то местных, окинавских обычаев владения оружием и способов борьбы голыми руками, так как класс профессиональных воинов, безусловно, в средние века в королевстве тоже существовал. Воинские умения в ту эпоху были весьма востребованы везде. Однако, усмотреть следы каких-то уникальных методов в сегодняшнем каратэ никак нельзя, а вот китайское влияние, напротив, более чем очевидно.

Описываемая эпоха была временем господства холодного оружия. Владение им являлось для дворянства и купечества нормой. Отрывочные сведения, относящиеся к ранней эпохе, в подавляющем большинстве содержат упоминания об умельцах владения различными видами холодного оружия, в основном копьём или палкой. Подтверждением тому может служить упоминания конца XVI-го века о некоем Мао Фэн Ю, мастере работы палкой и шестом, который участвовал в противостоянии королевства Рюкю пиратским набегами. Примерно в то же время упоминается имя Гима Синдзё- мастера работы с палкой. Ещё позднее – в конце XVII-го столетия – упоминается китайский мастер по фамилии Кодзё (семья Кодзё впоследствии оказала огромное влияние на развитие окинавского каратэ, создав один из видных стилей), помимо методов кулачного боя преподававший ис-

кусство владения опять же шестом; мастер Тятан Яра, слывший специалистом в области владения парным коротким трезубцем «саи»; а также Соёси Рёдзюцу, которого считают создателем собственного стиля боя на шестах. Очевидно, что палка и шест были базовым оружием того времени, что опять-таки наталкивает мысль на китайские корни, где шест и палка были основными дисциплинами, свойственными ушу шаолиньского направления, уже активно практиковавшегося по всему Китаю.

Удивительно, что для этой страны культ меча, в отличие от более близкого соседа Японии, в ту эпоху совсем не прослеживается. И объяснить это примитивностью государства не приходится – большую часть времени своего существования королевство находилось в положении медиатора и балансировало между Китаем и Японией с тесным сношением во всех областях жизни. Торговля японскими мечами в Китае была весьма популярна, и рюкюские торговцы были основными их поставщиками. Среди же представителей профессионального окинавского воинства интерес к искусству самурайского меча всегда был высок. Причина такого явления, скорее всего, кроется в особенностях социально-экономического устройства королевства, отличного от Японии и более близкого к китайскому, с меньшим влиянием воинского сословия в обществе.

Что ещё отличало воинские обычаи Рюкю от японских, но сближало с китайскими, так это то, что рюкюсцы активно

осваивали огнестрельное оружие. До нас дошли, как минимум два свидетельства: первое о впечатляющей демонстрации стрельбы из пищалей перед сёгуном Асикага в 1466 году и второе- запрет 1452 года на продажу пищалей жителям Рюкю судебным ведомством минского двора Китая.

Что же касается владения мечом, луком и стрелами – классическим набором тогдашних японских «буси», то это были главные орудия в череде кровопролитных конфликтов при объединении королевства, длившемся с начала XV-го века чуть больше половины столетия. Этот период уверенно можно считать периодом расцвета навыков армейского боя с оружием и воинского сословия островного королевства-обычное дело для Средневековья. Армия маленького королевства могла доходить до 3000 человек при мобилизации, к тому же обладая флотом около 100 плавучих средств.

Однако, взлёт воинской славы для королевства закончился в начале XVII-го века: самурайский клан Сацума в результате жёсткого силового противостояния ставит королевство в вассальную зависимость, вводит определённые ограничения для рюкюской армии, функции которой сводятся к полицейским и самообороне от пиратских набегов, бывших огромной проблемой того времени не только для Окинавы, но и для всего региона. До этого весьма агрессивное, «новое» королевство провозглашает себя миролюбивым и отказывается от применения силы во внешней и внутренней политике, всецело опираясь на конфуцианские добродетели при ре-

шении всех вопросов- удивительное явление для тогдашней эпохи!

С таким поворотом в умонастроениях элит и появлением определённых законодательных ограничений многие исследователи связывают постепенный «отказ» в местных боевых искусствах от использования оружия и переход к методам кулачного боя с использованием бытовых предметов для самозащиты, из чего якобы и появилось известное поныне «кобудо» («старое воинское учение»). Версия вполне здравомысленная, однако следует помнить и о традициях использования подручных средств в Китае в рамках изучения ушу, при этом никакие государственные декларации или регулирование вовсе не были нужны. К тому же, для достаточно долго изучающих дальневосточные дисциплины в рамках подхода, близкого к традиционному, осознание «боевого» потенциала окружающих предметов быта приходит самоестественно и не является откровением.

Интересны факты первых робких упоминаний о некоем «тэ» (или «ти») в фольклоре конца XVII-го века, на которых некоторые исследователи строят доказательства существования местных систем кулачного искусства уже в тот период.

К примеру, в официальных окинавских хрониках «Кюйо» встречается запись, относящаяся к первой декаде XVII-го века, где упоминается существование на Окинаве техник боя на шестах и копьях- так себе доказательство чего-либо, согласитесь...

Другой пример приводит большой энтузиаст-исследователь каратэ и мастер-основатель школы Мацубаяси-рю Нагаминэ Сёсин в своей книге «Сущность окинавского каратэ-до», где автор ссылается на фрагмент поэмы окинавского учёного (!) Тэйджюнсоку (другое имя- Наго Ояката, родившийся в 1663 г.):

*«Неважно, сколь ты преуспел в искусстве «тэ»,
А также и в других своих научных изысканьях,
Ничто другое не будет так важно в тебе,
Как человечность в каждодневных испытаньях.»*

Тоже доказательством по большому счёту трудно считать, так как не совсем понятно, что именно под этим «тэ» имелось в виду- искусство владения классическими видами оружия, как меч, копьё, лук и стрелы (что вполне могло иметь место), или же комплексная система подготовки тела и сознания к поединку, что мы имеем сейчас. Однозначно доказанным можно считать только факт использования термина применительно к ратным умениям.

К упомянутым выше «литературным» свидетельствам нужно относиться очень осторожно, не спеша делать далеко идущие выводы. К примеру, обратимся к бессмертному произведению Артура Конан-Дойла «Белый отряд», где в восьмой главе описывается сцена подготовки молодых лучников. Упражнение стояния в неподвижности длительное время с палкой в вытянутой вперёд руке может натолкнуть на мысль о существовании в средневековой Англии систе-

мы подготовки сродни китайским школам ушу, использовавшим «столбовое стояние» как основу для формирования «единого тела». Однако общеизвестно, что ничего подобного в Англии не существовало.

Другой пример – из знаменитого «Сказания о Ёсицунэ» конца XV – начала XVI веков. В главе «О том, как Уси-вака поклонялся богу Кибунэ» главный герой тренируется по ночам в уединённом месте, яростно рубя ветки кустов своим мечом. Зная легенды о том, как знаменитый окинавский мастер Мацумура Сокоон впоследствии постигал науку Дзигэн-рю кэндзюцу, следуя правилу каждый день наносить определённое число ударов деревянным мечом по дереву, можно провести определённые параллели и усмотреть в действиях легендарного Ёсицунэ знание методов школы Дзигэн-рю, что, разумеется, совершенно не так. Поэтому принимаем факт упоминания в литературе о некоем окинавском «ти», но не опираемся на это, как на нечто весомое.

Судя по всему, уже в период первых упоминаний о «тэ» происходит знакомство рюкюсцев с китайским ушу и начинается формирование как минимум формальной базы будущего каратэ – основных комплексов ката. На следующем этапе этот процесс продолжится и будет происходить ещё более тесное взаимодействие с китайскими источниками.

В середине XVIII-го века, согласно официальным письменным источникам, на Окинаву пребывает некий китайский чиновник (военный советник) и одновременно мастер

ушу под именем Кусанку. Устные предания связывают его имя с одноимённым комплексом-ката, до сих пор существующим в каратэ. Более того, имя этого мастера связывают, можно сказать, с первым окинавским специалистом тодэ – Сакугавой Канга (1782—1837 гг., по версии известного исследователя Фудзивара Рёдзо). Это весьма спорное утверждение, как и личность самого Сакугавы, по поводу которой у исследователей до сих пор нет единого мнения. В этот период предтеча каратэ уже часто обозначается как «тодэ» – «танская рука» (Тан- название одной из китайских правящих династий, эпоха, своего рода, «золотого века» в Китае). Утверждается, что мастер Сакугава пять раз ездил в Китай и обучался там премудростям местных мастеров, владел искусством палки. Из последней своей поездки он не вернулся на Родину и был похоронен в Пекине. Ходят легенды, что Сакугава был вхож в круг специалистов по Синьцзиюань и Багуачжан, что были популярны среди императорской охраны и чему, разумеется, нет веских доказательств.

Самый знаменитый последователь, которого народная молва тесно связывает крепкими узами «истинной передачи» с мастером Сакугавой, был Мацумура Соко, родившийся в первой половине XIX-го века и доживший почти до его конца (авторитетные исследователи выдвигают несколько дат его жизни). С личностью этого человека и его ученика Анко Итосу, по одной линии, Сэйсё Арагаки и его предполагаемого ученика Хигаонна Канрию, по другой, а также Ма-

цуморы Косаку, по третьей, можно связать завершение этапа легенд и мифов и установление более-менее внятной передачи искусства от ученика к учителю. В этот же период каратэ обретает свой узнаваемый внешний облик, зарождаются главные школы.

Оформление традиции преемственности, зарождение основных направлений (XIX в.)

В среде окинавских мастеров принято считать, что ранние стили каратэ (Сюригэ, Томаригэ и Нахатэ) существовали в 3-х крупных населённых пунктах Окинавы и, соответственно практиковались там. Такое разделение представляется весьма условным в силу географической близости городов Сюри, Томари и Наха друг к другу и во многом очень схожих исходных школ, служивших им исторической основой. К тому же сами термины возникли уже в начале XX-го века для обозначения более ранних авторских форм единоборства.

Со стилем Сюригэ тесно связано имя Мацумуры Сокона как самого знакового представителя школы, в лоне Томаригэ значимым именем является Мацумора Косаку, а для Нахатэ – Хигаонна Канрию. В силу близкого стилистического родства Сюригэ и Томаригэ слились позже, как считается, в направление «Сёрин» («Молодой лес», кит. «Шаолинь»), у истоков которого в числе многих мастеров выделяется фи-

гура Анко Итосу. Стиль Нахатэ же «реорганизуется» в направлении «Сёрэй». По версии Анко Итосу, «Сёрэй» означает «Школа светлой души», по другому мнению, содержит отсылку к так называемому «Южному Шаолиню», в существовании которого многие критично мыслящие японские и китайские исследователи сильно сомневаются.¹³

Обычно отличие в направлениях Сюритэ-Сёрин и Нахатэ-Сёрэй видят в более «естественных» и подвижных позициях у первого и укоренённой неспешной манере действовать с большей фронтальной развёрнутостью к противнику у второго. Также обращают внимание на больший акцент направления Сёрэй на специфическую дыхательную и силовую практику. Так видит, в частности, различия первых известных стилей Нагаминэ Сёсин в своей книге «Сущность окинавского каратэ-до». Фунакоси Гитин в своём «Учебнике каратэ-до» предлагает забавную точку зрения, что якобы Сюритэ подходил людям с более изящной комплекцией, позволяя им действовать активнее, тогда как Нахатэ – для более тяжеловесных персон. На первый взгляд, такое видение может быть состоятельным, а также непротиворечащим позиции Нагаминэ, если бы не одно «но»: полулегендарный основатель Сюритэ Мацумура Сокон был 170 см ростом – можно сказать, богатырь для тогдашних окинавцев!¹⁴ Хигаонна

---

¹³ Знаменитый китайский исследователь Тан Хао в 1941 г. провёл обширное исследование, в котором доказал, что не было никакого «Южного Шаолиня».

¹⁴ См. ст. Горбылёв А. «Великие мастера каратэ. Мацумура Сокон». Журнал

Канрио же, патриарх Нахатэ, особыми физическими данными не выделялся. Если же доверять китайским легендам о создателе стиля «Белого журавля», одного из главных предков школ группы Сёрэй, то, получается, знаменитая основательница Фан Цзинян была не просто умницей-красавицей, но весьма серьёзной силачкой!

Более состоятельной представляется точка зрения, что, наряду с более собранными и «закрытыми» позициями, направление Сёрэй уделяет больше внимания на «внутреннее делание» при тренировке силы, имея в своих исторических корнях китайские школы преимущественно «внутренней» направленности, тогда как Сюригэ больше опиралось на взаимодействия из северо-шаолиньских стилей ушу с характерной для них простотой действий и общей подвижностью.

Обратим внимание на знаковую фигуру патриарха Сюригэ. Мацумура Соко, будучи весьма одарённым для того времени человеком, получил достойное образование и прослужил практически всю жизнь при дворе, получив прозвище «телохранителя трёх королей», хотя, по всей видимости, был, скорее, умелым царедворцем. На мой взгляд, не стоит сильно обольщаться столь высоким званием при оценке мастерства – ведь известно, что роль телохранителя зачастую сводилась к принятию на себя первого удара, пусть даже просто заслоняя собой охраняемое лицо. Поэтому важнее было умение среагировать и быть готовым отдать свою жизнь,

а не мастерское владение каким-либо искусством боя.

Самое странное в тех сведениях, что дошли до нас об этой фигуре, это то, что нет никаких более-менее достоверных сведений об изучении им тодэ или ушу, но отыскалось свидетельство получения им мастерской степени в весьма закрытой школе владения самурайским мечом Дзигэн-рю, практиковавшейся тогда в клане сацумских феодалов. Это открытие сделал всё тот же Нагаминэ Сёсин в 1942 году, обнаружив «выпускной сертификат» («мэнкё») мастера Мацумуры в доме его потомков. Такое свидетельство показывает, как происходило сплавление стратегии японского кэндзюцу с изошрёнными техниками китайского происхождения – первому было чуждо «выматывание» противника и свойственно одоление врага волевой компонентой и точно выверенными одним-двумя решительными движениями, что впоследствии стало выделять окинавское единоборство на фоне китайских предков. Вполне вероятно, что овладение кэндзюцу Мацумурой Соконом было одним из решающих факторов успешного выдвижения при дворе.

Что же касается наследования легендарным мастером систем безоружного боя, то этот вопрос вызывает большую полемику среди дотошных исследователей, особенно в отношении вопроса, с какими школами китайского ушу он познакомился во время дипломатической миссии в Китай, принятой им в первой трети XIX века. Одни считают, что он изучал какой-то южный стиль цюаньфа, другие – север-

ный, а может даже и знаменитый Синъицюань, бывший в чести у элитной императорской охраны при содействии со стороны легендарного мастера Сакугавы Канга, якобы тоже бывшего тогда в столице империи, вхожего в элитные круги и бывшего наставником Мацумуры. Вынести какое-либо взвешенное суждение трудно, тем более что стиль Сюритэ, возникновение которого связывают с деятельностью знаменитого чиновника, не сильно похож на южные китайские стили, как и на тот же Синъи, но определённое технико-тактическое сходство с северо-шаолинскими школами проследить можно легко. Впрочем, учитывая активную миграцию на юг Китая мастеров с севера, исключить возможность встречи в южной провинции Фуцзянь какого-нибудь «северного» специалиста тоже нельзя. В любом случае, активно практиковавшиеся в школе Мацумуры ката Найфан-ти, Годзюсихо и Кусанку (достоверных сведений тому нет, но так утверждают практики-специалисты) по форме очень напоминают северо-шаолинский стиль. Однако зафиксируем факт, что кроме «мэнкё» японской школы владения мечом никаких других «аттестатов» или упоминаний имени этого мастера в материковых школах обнаружено не было.

Для полноты картины стоит отметить, что в среде исследователей и адептов каратэ существуют различные мнения о возможных наставниках Мацумуры в деле изучения кулачного искусства. К этим наставникам причисляют представителя рода Макабэ, близкого к королевскому, носившего

также прозвище Сямо- «Боевой петух», и некого И Ва. Имя последнего фигурирует в воспоминаниях Фунакоси Гитина, очевидно, со слов наставников Итосу и Анко Адзато, а также являлось предметом исследования Фудзивары Рёдзо. Знаменитый историк каратэ доказывает, что И Ва преподавал ушу в Пекине и склонен считать, что загадочный китайский мастер мог быть специалистом по Синъицюань!¹⁵

Уже упомянутый стиль Сюри-тэ сформировался в столице королевства городе-замке Сюри и слыл в то время стилем придворной знати. Этому способствовал тот факт, что среди официальных учеников Мацумуры Сокона были высокопоставленные чиновники и представители дворянской элиты, вошедшие в историю также как мастера каратэ: Анко Адзато, Рёсэй Куваэ, Анко Итосу – все впоследствии оставят свой яркий след в истории окинавского боевого искусства.

Трудами исследователя Нагаминэ Сёсина до нас дошло знаменитое письмо мастера Мацумуры ученику Куваэ Рёсёю, считающееся одним из старейших трактатов по каратэ окинавского происхождения. Короткое произведение пронизано духом конфуцианства и отражает подход, свойствен-

---

¹⁵ Техническое сходство позднего стиля Сёрин-рю, восходящего к Сюри-тэ Мацумуры, с данной школой не прослеживается, как не увидим мы и прямых аналогов южно-китайских комплексов в результате более поздних взаимодействий окинавских мастеров с материковыми школами (за очень малым исключением). Вполне вероятно, что уже сформированных специалистов из Окинавы интересовала не столько техническая сторона вопроса, сколько методы подготовки и развития специфических качеств и умений.

ный самурайскому кэндзюцу. Проводится параллель между «учением о Пути» (по всей видимости, конфуцианского) и воинским искусством как схожими в принципе. Красной линией проводится мысль следовании «добродетели» и о недопустимости отклонения от «истинного пути». Очевидно, мастер Мацумура рассматривал боевые искусства не только в качестве утилитарного занятия, но и как систему взглядов, формирующую сознание адепта, наполняющую жизнь и деятельность определёнными философскими смыслами, свойственными традиционным учениям.

Сейчас трудно с достоверной точностью описать облик того стиля, что преподавался в рамках школы Сюритэ во времена Мацумуры Сокона. Согласно тому, что мы имеем сейчас в различных ответвлениях Сёрин-рю, преемника Сюритэ, можно смело отметить, что, в целом, направление стилистически очень напоминает северо-шаолинскую школу китайского ушу, с достаточно короткими незамысловатыми движениями, взрывным характером действий, довольно высокими стойками, близкими к естественному положению, развёрнутостью боком к противнику, малым акцентом на «внутреннее делание». Хорошо прослеживается ставка на решительный и мощный удар, определяющий исход поединка, что очень хорошо соотносится с тактикой самурайского кэндзюцу.

Наверное, самым ярким последователем своего наставника Мацумуры Сокона стал Анко Итосу (Ясунунэ, 1831—

1915), сыгравший огромную роль в определении того облика каратэ стиля Сёрин-рю, который нам хорошо известен ныне. Справедливости ради, надо отметить, что в ученики к знаменитому наставнику Итосу поступил, уже будучи около 30 лет от роду и, по всей видимости, имея опыт в тодэ, но кто был предыдущим его наставником доподлинно неизвестно, сам он на эту тему не оставил никаких сведений.¹⁶

После потрясений 1872 года в результате японской «ре-ставрации Мэйдзи» (1868), когда королевство Рюкю стало официальной японской префектурой с последующей отменой королевской власти и роспуском местного дворянства, на улице оказалось большое количество бывших чиновников. В их числе был и Итосу, что вынудило его, в числе других, перейти к преподаванию боевого искусства своего учителя (учителей). Тогдашняя экономическая ситуация в стране оставляла желать лучшего, и для большинства людей возможность получить сносное материальное существование заключалась в получении доступа к государственному бюджетному финансированию, например, по линии министерства образования, для чего необходимо было перенести обучение боевым искусствам в образовательные учреждения, адаптировав методику. Иначе пришлось бы опираться на возможность преподавать только обеспеченным сограж-

---

¹⁶ Есть мнение, что Итосу Анко синтезировал знания, полученные от сэнсэев Нагахамы из Нахи, Гусукумы из Томари и Мацумуры из Сюри. (Горбылёв А. «Истоки каратэ»)

данам, коих было немного, а конкуренция, соответственно, была запредельной. Анко Итосу разумно выбрал первый путь и приступил к активной реформаторской деятельности. Можно сказать, что дух времени начал диктовать необходимость разворота учителей в сторону учеников, что было весьма новым явлением для традиционного восточного общества, где фигура учителя была священна, а стать учеником означало пройти немалые испытания.

В начале XX-го века Итосу был инициатором эксперимента по преподаванию тодэ в школе, что поначалу не сильно прижилось. Однако процесс по продвижению и популяризации начался, и мастер Анко здесь был яркой фигурой, повлиявшей на реформирование старых и разработку новых форм, унификацию методов преподавания. Итосу пошёл на вынужденное упрощение старинных форм (создание простейших ката Пинан), некоторое снижение их боевого потенциала с движением в сторону укрепления здоровья, развития силы и подвижности, а также с целью возможности обучать большие группы людей.

Школу Итосу прошло огромное количество будущих мастеров-создателей собственных стилей в рамках направления Сёрин-рю: Кенцу Ябу, Тётоку Киан, Ханасиро Тёмо, Тёсин Тибана и другие. Также среди знаменитых учеников Итосу Анко были Мабуни Кэнва (создатель Сито-рю) и Фунакоси Гитин (основатель Сётокан), уехавшие на «большую землю» в Японию и начавшие активно и вполне успешно рас-

пространять каратэ там.

Заложенные Анко Итосу принципы доступности для широкого круга людей дали толчок к тому, чтобы его верные последователи логично привели этот вид единоборства сначала к статусу японского национального достояния, ставшим сперва подспорьем для возрождения нации после страшного разгрома во Второй мировой войне, а затем и к международному признанию в виде спортивной дисциплины со всей присущей спорту атрибутикой.

К сожалению, разработка Итосу программ для изучения каратэ в школах послужили также и делу милитаризации японского общества в имперский период (1868—1945), однако упрекать в этом мастера вряд ли стоит, так как главную свою задачу он видел в укреплении здоровья молодёжи и передаче наследия традиции воинских искусств в новое время.

Перу мастера принадлежит письмо в департамент образования префектуры «Десять пунктов о занятиях каратэ» (1908г.), высоко оцененное последователями. Данное краткое и ёмкое сочинение содержит и философско-этические аспекты, и методические указания, а также соображения по поводу пользы обучения широких масс молодёжи, особенно в школах. В последней фразе содержится упоминание целесообразности преподавания каратэ для укрепления японской армии, из-за чего многие и усматривают в лице Итосу сторонника японского милитаризма.

Второй крупной школой, ярко выделявшейся стилистиче-

ски, было Нахатэ (по названию крупного портового города Наха), тесно связанное с чрезвычайно авторитетной фигурой Хигаонна Канрио (1853—1915), сыном местного неродовитого дворянина, занимавшегося торговлей и морскими перевозками. Легенды о жизни этого мастера, культивируемые в рядах последователей его школы, полны драм, стоического труда и выдержки, а вот достоверных сведений маловато.

К кулачному искусству, говорят, его подтолкнула жажда мести за родителя, но долгое обучение и совершенствование сделало из него идеал мастера Будо (Пути Воина) – человеком, не только отказавшимся от разрушительной идеи кровной мести, но и демонстрировавшим не раз высокие моральные качества в, мягко говоря, непростых жизненных ситуациях.

Как утверждают многочисленные истории, молодой Канрио приступил к занятиям под руководством Сэйсё Арагаки¹⁷, и добился значительных успехов. Несмотря на то, что роль мастера Арагаки в становлении молодого Хигаонна несколько преуменьшается (или же не признаётся вовсе), очевидно, что такие основополагающие комплексы, на которых будет строиться стиль будущего знаменитого мастера из Наха, как Супаринпэй («108»), Сэйсан («13») и Санчин («3 битвы»), по-видимому, были получены по линии Арагаки Сэйсё, подтверждением тому может быть показательное

---

¹⁷ Сведений об этом мастере в истории крайне мало, тоже знаменитого мастера тодэ.

выступление мастера Арагаки в столичном замке Сюри с демонстрацией ката Супаринпэй 24 марта 1867 года, когда Хигаонна исполнилось только 14 лет.¹⁸

К числу первых учителей Хигаонна исследователи Нагаминэ Сёсин и Фудзивара Рёдзо, каждый по-своему, также называют Кодзё Таитэй и Вай Синдзан – большого специалиста по южно-китайскому цюаньфа (яп. кэмпо). Также и Фунакоси Гитин в своей книге «Рюкюское единоборство каратэ» 1922г. называет Вай Синдзана первым учителем кэмпо для молодого Канрио. Один из самых именитых последователей созданной Хигаонна школы, Хигаонна Морио, приводит совсем иные данные относительно первых наставников патриарха, отправляя последнего в Китай практически сразу после смерти отца в 1868 году, когда молодому человеку исполнилось всего 15 лет! В общем, опять мы имеем дело с чехардой мнений и домыслов относительно, казалось бы, совсем недавних, с исторической точки зрения, событий.

---

¹⁸ с.59 «Бубиси: Библия каратэ» Патрик МакКарти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.